

В. Тусев

ХОЗЯИН ЧЕРНОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

ЧЕРНЫЙ КОТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Хозяин черной жемчужины

«ЭКСМО»

2009

Гусев В. Б.

Хозяин черной жемчужины / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2009 — (Дети Шерлока Холмса)

Братья Дима и Алешка очень подружились с новым преподавателем биологии. Вадим Иванович Кореньков был почти профессором, а потому человеком очень рассеянным. Алешке даже пришлось взять над ним шефство, чтобы Кореньков не ходил в разных ботинках и не завязывал галстук наизнанку. Но вот однажды у Вадима Ивановича случилась по-настоящему серьезная неприятность. Пропала Черная Марго – уникальная искусственная жемчужина, результат научного открытия. Ее украли? Или забывчивый ученый сам положил жемчужину неизвестно куда? Алешка с Димой твердо решили найти пропажу...

© Гусев В. Б., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	17
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Гусев

Хозяин черной жемчужины

Глава I

Полковник сильно сердится

– Дим, – задумчиво сказал мой младший брат Алешка, – знаешь, до чего я додумался?

– До чего?

– Я додумался, Дим, что люди, которые любят собак, – это почти всегда хорошие люди.

– Ну и что?

– А люди, которые не очень любят собак, – это, Дим, так себе люди, невзрачные. А которые собак ненавидят – это вообще самые плохие люди. – Философ из третьего «А».

Я вспомнил об этом разговоре, когда мы столкнулись с людьми, которые еще хуже, чем самые плохие. Мы даже не догадывались, что такие вообще могут быть на белом свете. Бессовестные и безжалостные. Правда, собаки тут ни при чем. Хотя и без них не обошлось.

Тут при чем история, в которую мы с Алешкой неожиданно влетели. Но сначала нас эта история совершенно не касалась. А вот когда она нас коснулась – тут мало не показалось.

Началась она с того, что наш папа пришел с работы очень сердитым...

Наш папа – полковник милиции. Он борется с преступниками. И он борется с ними беспощадно. Потому что он их ненавидит. Потому что всегда сочувствует тем людям, которые от них страдают. Папа говорит, что после всяких опасных болезней преступность – самое большое зло. Она никого не щадит. Ни молодых и здоровых, ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых, ни стариков, ни детей. И еще он говорит, что это зло обязательно должно быть наказано. И справедливость должна торжествовать.

Папа, конечно, встречался со многими очень опасными и злобными преступниками. Но никогда мы еще не видели его таким расстроенным и возмущенным.

– Какие негодяи! – говорил он маме вечером на кухне.

Мама, когда у папы бывали на работе трудности, всегда его внимательно слушала, успокаивала и кормила чем-нибудь вкусненьким. Пересоленным борщом например. Или беляшами, которые у нее почему-то всегда пригорали. Но папа деликатно (или расстроено) не замечал ни пересоленного борща, ни пригоревших беляшей.

Вот и в этот раз мама кормила его сильно жаренной картошкой и черноватыми котлетами, а папа возмущался. Не котлетами, конечно. А какими-то совсем бессовестными жуликами.

– Представляешь, – рассказывал он маме, звонко хрустя котлетой, – совершенно случайно получаем информацию о том, что в некоторых квартирах, где праздновали либо свадьбу, либо юбилей, пропадали ценные вещи и деньги.

– Да что ты! Не может быть! А почему узнали случайно?

– Ну, мать, ты сама подумай! Вот женится наш Алешка...

– Поскорей бы, – мечтательно проговорила мама. – Я бы отдала его в хорошие руки. Он мне надоел, я с ним не справляюсь...

– Не отвлекайся, – перебил ее папа и продолжил: – Вот женится наш Алешка... – Напомню, что нашему Алешке десять лет. – И после свадебного стола ты обнаружишь пропажу подарочных денег. Или какого-нибудь ценного подарка... Ты что – побежишь в милицию? Ведь у тебя в гостях были самые близкие люди. И тебе будет стыдно признаться, что среди твоих родных и друзей оказался подлый вор. Не так ли?

– Так! Конечно, так! Я же не могу поверить, что моя лучшая подруга Зинка стащит на Алешкиной свадьбе деньги, которые она сама же и подарила.

– Вот именно, – сказал папа и хрустнул котлетой. – Но это еще что. А вот когда воруют на поминках – я таких жуликов своими руками бы давил! Представляешь, мать, у людей такое горе – умер родной человек. Собрались люди за столом, чтобы почтить его память. А после – либо деньги, которые собрали в помощь близкие, либо шуба с вешалки исчезла без следа.

– Негодяи! – воскликнула мама. – Успокойся, отец. Положить тебе еще котлетку? Они сегодня хорошо прожарились.

– Ты так считаешь? – удивился папа.

– А что? Сыроваты?

– Скорее наоборот, – улыбнулся папа, – суховаты.

– И что мы с ними будем делать? – спросила мама.

– С котлетами? Нашим детям скормим. Они у нас всеядные.

– С жуликами! Их надо непременно разыскать и примерно наказать. А вы, всеядные, что свои уши развесили? – спросила она нас с Алешкой. – Ужинать и спать!

– А мы послушать хотим! – возмутился «жених» Алешка. – Тебе можно, а нам нельзя, да?

– Ладно, отец, – мама безнадежно махнула рукой, – рассказывай. Все равно от них не отвяжешься.

И вот что рассказал папа.

В одно прекрасное утро у нему в кабинет зашел его сотрудник с забавной фамилией – Павлик.

(Когда он, окончив школу милиции, прибыл для прохождения службы, то так и представился: лейтенант Павлик. Все сотрудники рассмеялись, потому что подумали, что Павлик – это его имя, а это, как оказалось, была такая интересная фамилия.

Однажды в папин кабинет зашел генерал, его начальник. Павлик вскочил и доложил:

– Оперативный дежурный Павлик!

– Детский сад какой-то, – буркнул генерал и хлопнул дверью.

Генерал был не очень не прав. Лейтенант Павлик был молодой и краснощекий, как карапуз на морозе. Но оперативник из него, несмотря на детский вид и ребячью фамилию, получился хороший. Папа часто хвалил его. А Павлик смотрел ему в рот и во всем подражал. У него была мечта – стать таким же беспощадным и опытным опером, как наш папа. И он уже сделал первые шаги к этому – заслужил звание капитана.)

– Сергей Александрович, – сказал Павлик, – звонили из шестого отделения. Там у них какая-то заморочка получилась. Просят помочь.

– А в чем дело? – спросил папа.

– Заявление от потерпевшей какое-то странное.

– А где она, потерпевшая?

– Да у них сидит, скандалит.

– Поехали.

...Эта самая потерпевшая оказалась рассерженной гражданкой Крутиковой. В старой дубленке и в меховой, с пролысинами, шапке. Под ногами ее расплывался натаявший с сапог снег.

И вот тут начался с этой женщиной какой-то странный разговор. Даже страшноватый немного.

– Здравствуйте, – сказал папа. – Так что у вас случилось? Расскажите по порядку.

– Да сколько можно! – Женщина запыхтела и сердито сдвинула шапку на затылок. – Повтори да повтори... Повторяю: я – первая жена покойника... – Папа даже глазом не моргнул – ему и не такое приходилось слышать. – А она у меня шубу украла!

– Кто – она? Уточните.

– Люська! Вторая жена покойника. Украла шубу! Что вы так на меня смотрите? Могут у человека шубу украсть?

– Отчего же, конечно, – растерянно кашлянул Павлик, коротко глянул на папу и незаметно сделал пальцем у виска известный жест.

– Что вы переглядываетесь? Неужели непонятно? Это Люська из ревности скрала. У ней самой-то три шубы. Зачем ей еще и моя? А она из ревности. Что я была первой женой покойника и мы очень хорошо с ним жили. Дружно.

– С покойником дружно жили? – невозмутимо уточнил папа.

– Естественно!

«Очень естественно», – усмехнулся про себя папа.

– А Люська все годы с ним собачилась! С покойником.

– Это где она с ним собачилась?

– В Люблине, где же еще?

Папа покивал, покачал головой. Павлик чуть заметно усмехнулся: в Люблино находится одно из городских кладбищ. Словом, все сходится: Люська «все годы собачилась» с покойником на кладбище.

Но у папы было свое мнение.

– А где же эта... Люська, вторая жена покойника, украла вашу шубу? – терпеливо спросил он. – В вашем доме?

– Как же! В моем доме! Да я бы эту змею и на порог не пустила бы! Все там же сперла, в Люблине, в своей квартире. На поминках. Не постеснялась, змея!

Кое-что стало проясняться.

– Уточните, пожалуйста. – Папа был терпелив. Что-то в этой истории его очень взволновало.

– Что уточнять? – Крутикова снова начала закипать. Будто под ней газ включили.

«Мне даже показалось, – припомнил папа, – что у нее вот-вот шапка на голове начнет подпрыгивать. Как крышка у чайника».

– Спокойнее, гражданка Крутикова, – попросил ее Павлик, – спокойнее. Надо же разобраться.

– Вы разберетесь! Как же! – Она грозно надвинула шапку на лоб, до бровей. – Битый день вам объясняю... Пришла я на Люблинскую улицу, в Люськину квартиру, на поминки, бывший муж помер. Все-таки он за мной хорошо жил. Пока эта змея Люська его не увела. Но они плохо между собой жили. Я его как-то повстречала, пожалела: похудал, обтерханный какой-то, глаз тусклый. Не обрадовался мне. «Что ж ты, Ваня, – говорю ему, – или плохо тебе живется?..»

– Не отвлекайтесь, гражданка Крутикова, – напомнил Павлик. – По сути показания давайте. Вы пришли на поминки, так? Дальше что?

Крутикова вздохнула, покрутила головой, опять сбила шапку на затылок.

– Ну, посидела, как положено. Помянула Ваню. С Люськой пособачилась. Стала собираться, глядь – а в прихожей шубы-то моей и нет. Дорогая шуба была. Но Люське она к чему? У ней своих три. Это из ревности она, со зла.

Ну вот, прояснилось... Две вдовы одного покойного мужа не ладили между собой. Люська увела у Крутиковой мужа (когда он не был еще покойником), а потом, когда он стал покойником, увела и шубу... Только вот все оказалось гораздо сложнее. И хуже... Папа это почувствовал.

– Ну, а Люська? – спросил он. – Что она говорит?

– А что она говорит? Ругается. Обзывается.

– Понимаете, гражданка Крутикова, – стал объяснять ей Павлик, – мы не можем возбудить уголовное дело по данному факту. Нет для этого достаточных оснований. Проведем дознание, а уж по его результатам решим.

– В прокуратуру жаловаться на вас пойду! – Крутикова решительно поднялась, сдвинула шапку теперь уже набекрень. – Мне не шуба нужна, не нищая, мне справедливости надо. Я с покойником хорошо жила, берегла его, а Люська-змея его в могилу свела. А после и шубу сперла. – Крутикова подошла к двери. – А если она будет врать, что по паспорту она Люсьена, не верьте. Люська и есть Люська! Змея! – Открыла дверь, обернулась и злорадно добавила, указав на лужу возле стула: – Наследила я у вас тут, извиняйте! – И хлопнула дверью.

Вот такая тетя Крутикова.

– Что будем делать, товарищ полковник? – спросил Павлик папу.

– А что за Люська-то?

– Да вот у меня записано, – Павлик раскрыл блокнот: – Степанова Люсьена Никитична. Я съезжу к ней?

И Павлик поехал на Люблинскую улицу. Но Люсьена Степанова ничего толком ему не объяснила.

– Да ненормальная она, Нюрка Крутикова! – вспыхнула Люсьена, вторая жена покойника. – Нужна мне ее драная шуба!

– Но шуба-то пропала. Из вашей квартиры.

– Как же! Кто ее знает, где она пропала? Нюрка как вина выпьет – сама себя не помнит. Пьяница она. Ваня-то потому и ушел от нее ко мне.

– Ну, хорошо, к вам претензий нет. Но, может, кто-то еще... кто был на поминках?

– Ну что вы, товарищ следователь! У Вани и родня, и знакомцы – все очень приличные люди. Шубы и ботинки не воруют... Не знаю, что и думать. По злобе Нюрка на меня наговаривает. Из ревности. Они-то с Ваней плохо жили, она ведь выпивоха. Потеряла она сама эту шубу. Забрела после поминок куда-нибудь еще, в какие-нибудь гости, да шубу там и оставила.

Вот такую не очень веселую, хоть и немного смешную историю рассказал нам папа. Но это было только начало. А дальше ничего веселого больше не было. Были еще такие же кражи. А известно о них тоже становилось случайно – почти никто об этих кражах-пропажах не заявлял.

Папа занялся другими, более важными делами, а это дело поручил Павлику. Павлик добросовестно проверил всех, кто был в тот печальный день на квартире Люсьены. И даже знакомых гражданки Крутиковой. И ни на какой след сначала не напал. А потом один из оперов задержал на вещевом рынке какого-то бомжа, который продавал с рук шубу гражданки Крутиковой. Но и этот след тут же оборвался: бомж упрямо твердил, что эту шубу он нашел в подъезде, «на батарее отопления второго этажа, позади лифта». И он назвал этот дом, который находился на другом конце города. Где гражданка Крутикова никогда не бывала. И шубу «позади лифта» никак оставить не могла.

И вот тут вдруг капитан Павлик, оформляя документы на задержание этого бомжа в отделении милиции, услышал в дежурной части очень странный разговор. Из разговора стало ясно, что младший сержант Сеня недавно женился, а коллеги его поздравляли и расспрашивали, как прошла свадьба.

Рассказывая об этом, Сеня был не очень весел.

– Что, Сеня, – посмеивались ребята, – теща злобная тебе досталась?

– Не злобная... А... скрупулезная.

– Это как?

– Ну... дотошная очень. У нее, ребята, глаз острый. Как у сыщика. Так вот, она наутро денег дареных недосчиталась. И подарка одного – магнитофон пропал.

– Это как? – смешки в комнате стихли – дело неприятное.

– Да так, – горестно объяснял молодожен Сеня, – теща прозорливая, все приглядывала – кто чего нам дарил да сколько. Сейчас же как принято? Кто подарок несет, а кто конверт с деньгами. Вот одного конверта не хватило, магнитофон куда-то ушел, а в одном конверте вместо денег бумажки газетные оказались. Кукла, иначе говоря.

– Да погоди, Сеня, может просчиталась теща?

– Это моя-то теща просчиталась? – горько усмехнулся Сеня. – Да мне, ребята, не столько денег жалко, сколько обидно.

– А кто на свадьбе-то был? Всех помнишь?

– Ты что, Макс, свадьбу не знаешь? Половина на половину – незнакомые.

Прав младший сержант Сеня, смекнул капитан Павлик. На свадьбе одни гости со стороны невесты, другие – со стороны жениха. И, как правило, друг друга не знают. Так что совершенно чужому человеку за свадебный стол сесть не опасно. Жениховые гости думают, что он друг или родственник невесты, а невестины – жениха. А на поминках-то еще больше незнакомых между собой людей собирается. «Да я с покойником Ваней в одном классе два года просидел. А мы с ним в армии служили. А я на курорте с ним гулял. Хороший был человек».

С этими соображениями Павлик и явился к нам вечером, посоветоваться с папой. Разговор был не секретный, и они уселись на кухне. Мама сделала им кофе и ушла к телевизору. А мы ушли от телевизора на кухню.

– А нам кофе? – с деланой обидой спросил Алешка.

– Нам самим мало, – с деланой жадностью ответил папа. – К тому же вас сюда не звали.

– А мы не ждем, когда нас позовут. Мы сами приходим. Садись, Дим, мы здесь не чужие. Да, пап?

Капитан Павлик рассмеялся, и они с папой продолжили свой разговор.

– Вот что, – сказал папа, – позвони во все отделения и уточни – не было ли заявлений о подобных кражах? И еще раз побеседуй с Люсьеной, второй женой покойника. Пусть составит списочек мужчин, которые были на поминках.

– А почему именно мужчин? – не догадался Павлик. – Шуба-то пропала женская.

– Потому, Павлик, что мужики в таких случаях после третьей рюмки выходят на лестницу покурить. И они могли что-нибудь заметить.

– Точно, товарищ полковник! Шуба-то не своими ногами ушла. Кто-то ведь в ней шагал.

Глава II

«Конфетолог»

Честно говоря, нас с Алешкой эти подлые кражи в общем-то не очень заинтересовали. Алешка, правда, время от времени сердито ворчал: «Какие же они гады! Да, Дим?» Но ворчал все реже и реже. Только иногда спрашивал у папы, как «наш Павлик» расследует эти кражи. «Как надо», – коротко отвечал папа. У него было много других, более важных дел. Да и у нас тоже – заканчивалось полугодие, близились зимние каникулы. Нужно было срочно исправлять двойки на тройки с минусом и четверки на пятерки с плюсом.

И вот тут-то мы с Алешкой совершенно неожиданно оказались замешанными в эту историю с квартирными кражами на юбилеях, свадьбах и похоронах.

Началось это все, правда, очень невинно. У нас заболела Маргарита Павловна (Королева Марго), преподаватель биологии. В наше время в разгар учебного года попробуйте найти нужного школьного учителя. А наш директор Семен Михалыч нашел. Как бывший строевой офицер, грозный полковник, он не мог оставить «два старших взвода» в конце полугодия без преподавателя биологии. И он его где-то достал. И не простого, а почти профессора из какой-то академии.

Этот новый учитель Вадим Иванович Кореньков совсем, однако, не был похож на профессора. Правда, я настоящих профессоров живьем еще ни разу не видел. Не попадались они мне на моем жизненном пути. Они мне попадались только в книгах и на экране. И я всегда представлял себе профессора в виде пожилого человека, осанистого такого, с басовитым голосом, с широкой бородой или с широкой лысиной. Такой настоящий профессор всегда снисходительно обращается к своим коллегам со словами «батенька мой»:

«Вы, батенька мой, напоминаете мне упрямого осла! И отнюдь не длинными ушами».

А вот Кореньков еще не был похож на настоящего профессора. Он был молод. Он был худенький, вроде нашего Алешки. Лысины у Коренькова тоже не было, он ее еще не вырастил. А вот борода все-таки была. Не осанистая, правда. Бороденка такая жиденькая, в три-четыре волосинки. Когда мы встречали его на улице, мне всегда казалось, что ее вот-вот сдует с подбородка легким ветерком. И Кореньков бросится ее догонять, как улетевшую шляпу.

Наш класс принял Вадима Ивановича хорошо. И в первый же день он получил у нас прозвище Вадик. Он нам понравился, потому что умел не только интересно говорить, но с интересом нас слушать. У взрослых – это редкий дар.

И несмотря на молодость, Вадик был похож на настоящего ученого: много знал, был очень вежливый и очень рассеянный. Один раз достал из кармана авторучку и попытался ею причесаться. В другой раз попытался расческой вместо авторучки записать в журнале сделать. В третий раз мы заметили, что у него в ботинках шнурки разного цвета. Но мы почему-то его рассеянностью в своих интересах не пользовались.

В первый же день Вадим Иванович, проверив мои знания, оставил меня после уроков на дополнительные занятия. У меня с биологией особые отношения. Точнее – взаимная неприязнь. Не то что у Алешки. У него отношения с флорой и фауной прекрасные. Особенно с фауной собачьей, полное взаимопонимание. Он с собаками сходится, как с хорошими людьми, – легко и быстро. И он, конечно, пришел в кабинет биологии, потому что уже пронюхал, что новый учитель тоже любит собак. «Самые хорошие люди, – как-то сказал Кореньков, – это дети и собаки».

С детьми у него все ясно – сто студентов и два наших класса. А вот с собаками?

– А у вас какие собаки? – сразу же спросил его Алешка.

– А никаких, – ответил Кореньков, приласкав ладонью свою нежную бородку. Как лысенькую таксу.

Алешка удивился безмерно:

– А... почему?

– А потому. Потому что мне приходится часто и надолго уезжать в экспедиции. И очень далеко.

– За границу, что ль?

– Что ль за границу. На всякие океаны – Индийский, Тихий, в Атлантику. С кем же я собаку оставляю?

– Я вам сочувствую, – сказал Алешка. – У вас, что ль, никаких домашних животных нет?

– Почему нет? Рыбка есть, курица, Черная Марго.

– Тогда еще ничего, – вздохнул Алешка. – С курицей не скучно.

Но он немного ошибся. Курица и рыбка «жили» в холодильнике, а Черная Марго – в баночке из-под крема. Но все это мы узнали позже.

– А у тебя какая домашняя собака? – спросил Вадик Алешку.

– А у меня разные. У меня их полно. Целое стадо. Штук двадцать.

Кореньков недоверчиво улыбнулся. Но Алешка не фантазировал. Он говорил правду. У него в подчинении была целая стая бродячих собак. Они достались ему как бы по наследству.

Когда-то в нашем парке, в самой его глубине, образовался лагерь бездомных людей. Они там построили себе полиэтиленовые шалаши и варили на кострах пищу. И с ними дружно жила стая бездомных собак. Поэтому в глубине парка все время что-то дымилось и все время слышался залиvistый лай.

Потом бездомных людей забрали в какой-то приют, а собаки остались. Они были довольно смирные, и наши окрестные пенсионеры их подкармливают. Но вот что интересно. Наш Алешка редко их кормил, так, иногда стащит у мамы пригоревшую котлету – попробуй напасись на такую ораву, но собаки полюбили именно его. Может, потому, что он с ними разговаривает по-человечески. Сядет на скамейку и что-нибудь им залиvает, а они сидят напротив полукругом и внимательно слушают. Помахивают хвостами и улыбаются во все свои белозубые пасти.

А иногда, когда они долго с Алешкой не видятся, начинают скучать. И приходят всей стаей к нашему подъезду. Усаживаются полукругом и поднимают дружный лай. Во дворе наступает паника.

– Алешка! – кричит мама. – Уводи свою стаю!

Алешка выходит из подъезда, собаки бросаются к нему, окружают, лаstятся. А потом дружно шагают за ним в парк. Так что, похвалившись своими собаками, он не соврал и не преувеличил их число.

В общем, Алешка быстренько подружился с профессором Кореньковым, и тот даже попросил Алешку позаниматься со мной по нескольким темам. А дома Алешка важно сообщал:

– У Димки профессор появился. Собачник без собак. Но с курицей. Мы с ним будем Димку обучать.

– Барьеры брать? – усмехнулась мама. – Или апорт таскать?

– Он не по собакам профессор, – объяснил Алешка. – По всяким наукам. Кореньков его фамилия.

– Кореньков? – переспросил папа. – Молодой такой? И бородка вроде кисточки для бритья?

– Ты его знаешь? – удивилась мама.

– Знаю, – кивнул папа. И загадочно добавил: – Известный конхиолог.

– Конфетолог? – не понял Алешка. – Конфеты изучает?

– В какой-то степени, – улыбнулся папа.

– Хорошая работа, – Алешка облизнулся.

– Конхиолог изучает раковины. Морские и пресноводные.

– Да... – Алешка сразу потерял интерес к конхиологии. И немного завял. – Надо же...

Тут дело еще в том, что наш Алешка с этой... конфетологией уже сталкивался. Я, кажется, рассказывал, что мы с папой путешествовали по Тихому океану. Папа там разыскивал одного крупного международного жулика, а мы ему помогали. И вот на одном острове Алешка ухитрился обменять свои валенки на раковину тридакны. В подарок своей однокласснице, она его очень об этом просила.

Подарок Леночке здорово понравился. Она была от него без ума. И ее родители тоже. Потому что эта самая тридакна была размером с хорошую будку для сенбернара. Алешка в ней свободно помещался (в раковине, а не в будке) на корточках...

...Тридакна вернулась к нам. Мама затосковала. Алешка посоветовал ей подарить гигантскую раковину подруге Зинке на день рождения.

– Это жестоко, – сказал папа.

– Это справедливо, – обрадовалась мама. – Зинка мне на день рождения подарила пылесос, который так ни разу и не заработал.

Раковину подарили Зинке. Она сначала пришла в восторг, а потом не только перестала заходить в гости, но даже и звонить.

– Хотя какая-то польза от твоей раковины, – сказала мама Алешке.

Вот такая была история. Вспомнив о ней, мы посмеялись, а папа подначил Алешку:

– Конхиолог изучает не только обычные раковины, но и жемчужницы.

– Это которые драгоценный жемчуг делают? – спросил Алешка.

– Они самые. У Коренькова очень хорошая коллекция жемчуга. Одна из лучших в мире. Некоторые из его жемчужин даже занесены в специальные каталоги.

Но Алешку коллекционирование жемчуга явно интересовало меньше, чем производство и потребление конфет.

– Я, собственно, и познакомился с вашим будущим профессором из-за его коллекции. – Папа помолчал, вспоминая, чему-то улыбнулся: – Он очень рассеянный.

– Ты тоже, – сказала мама. – Я недавно нашла твои очки в холодильнике. Для полковника милиции это непростительно.

– Полковники милиции, – не смутился папа, – такие же люди, как и все.

– Только немножко лучше, – поддержал его Алешка.

Мама не стала спорить. Ей было интересно послушать про еще одного рассеянного человека. Да не простого, а «жемчужного» профессора.

– Я с ним познакомился в прошлом году, – сказал папа. – У него пропала из коллекции самая большая и ценная жемчужина. По кличке Черная Марго.

– И кто ее украл? – спросила мама.

– Да никто ее не крал. – Папа усмехнулся. – Он все время перекладывал ее с места на место. Ну и забыл, где ее в последний раз спрятал.

– В холодильнике? – «догадался» Алешка.

– А вот и нет!

– В духовке? – еще раз попробовал угадать Алешка.

Папа покачал головой.

– Я знаю! – воскликнула мама. – В стиральной машине!

– Холодно, холодно, – подначил ее папа. – Хотите подсказку? Намек дам. Кореньков обнаружил жемчужину, когда пил чай.

– В бачке унитаза? – ляпнул Алешка и поспешно поправился: – В сахарнице!

– Угадал! Молодец! Точнее, он нашел ее в чайной чашке. Прятал в сахарнице, зачерпнул ложечкой вместе с песком и бухнул в чашку. И чуть не проглотил.

– Да, – вздохнула мама. – Это вам не очки в холодильнике.

– Ну и проглотил бы, – отмахнулся Алешка. – Не так страшно.

– Что ты имеешь в виду? – спросил папа.

– То самое! Что ты подумал.

– Алексей! – мама схватила его за ухо.

– А что? Не так, что ли?

– Отпусти его, – сказал папа. – Он больше не будет.

– Конхиологи! – с обидой высказался Алешка.

Да вот только конхиологом он стал сам. Незаметно и постепенно. Увлёкся. Сначала, правда, он трепался с Кореньковым обо всем понемногу и задавал ему всякие безумные вопросы. Кореньков рассеянно отвечал ему, а потом однажды с уважением сказал:

– А с тобой не соскучишься. Ты очень неглуп.

– Я знаю, – скромно согласился Алешка. – Все так говорят. – И вернулся к своему вопросу: – Когда я смотрю в зеркало, то там правое становится левым, так? А все левое становится правым. Так?

Кореньков кивнул, еще не догадываясь, в какой безнадежный угол загнал его Алешка.

– А почему же тогда в зеркале верх не становится низом? А низ не становится верхом? Почему? Правое ухо становится левым, а голова остается наверху, не меняется местами с ногами?

Кореньков задумался и как-то растерянно поморгал. А потом так же растерянно повторил:

– Да, с тобой не соскучишься.

Но и с профессором – тоже. Устав от Лешкиных заморочек, он садился на своего надежного коня – начинал нам рассказывать всякие чудеса про свои любимые раковины, про далекие острова в далеких океанах, о ловцах жемчуга, о беспощадных акулах и прекрасных жемчужинах. Вот бы так, батенька мой, ученые профессора с бородами и лысынями писали для нас учебники!

– Жемчуг – удивительное создание природы, – увлеченно рассказывал Кореньков. – Некоторые ученые всерьез считают жемчужины живыми существами...

– Правда, что ль? – удивился Алешка.

– ...И с ними можно отчасти согласиться. Ведь жемчуг живет немногим более ста лет, потом стареет и постепенно умирает. Теряет свой волшебный цвет и рассыпается в мелкую пыль.

– Жалко, – вздохнул Алешка. – Удивительное создание природы.

– В старину считали, что жемчуг нельзя долго хранить в шкатулочках и футлярчиках, что он обязательно должен соприкасаться с кожей человека. От человеческого тепла он получает дополнительные живительные импульсы. Вот такая легенда.

– Ага, – сказал Алешка. – Про что-нибудь интересное всегда легенды придумывают. Про летающих голландцев, например.

– На Севере, – вспомнил Кореньков, – считают, что жемчуг – это замерзшие в ледяной воде упавшие с неба звезды.

– Ну да! – подхватил Алешка. – Плюхнулась горячая звезда в воду, зашипела и погасла...

– И на дно моря опустилась уже жемчужиной.

– И прямо в раковину! – Алешка рассмеялся. – А еще что придумали?

– Ну... Жемчуг еще называют отвердевшей росой... Слезами русалки.

– А вы сами ныряли за жемчугами? – спросил Алешка. – На сто метров?

– Нырл. Но, конечно, не на сто метров. Вообще, это очень вредный и опасный промысел. Среди ловцов жемчуга долгожителей не бывает.

– А почему?

– По многим причинам. Акулы, ядовитые рыбы, огромное давление воды. Кислородное голодание.

– Вот! – сказал Алешка сердито. – А все из-за женщин. Чтобы они себе на уши жемчуга вешали. И на шеи тоже.

Кореньков с ним согласился. И даже добавил, что из-за женщин охотники убивают красивых хищных животных. Которых и так уже осталось очень мало в природе.

– Я жениться не буду, – сделал вывод Алешка.

– Я тоже, – кивнул Кореньков.

В общем, договорились. Нашли общий язык. Подружились. И я бы сказал, Алешка даже над этим Вадиком взял шефство. Например, напоминал вполголоса:

– Вадим Иванович, а у вас сегодня разные ботинки на ногах.

– Это естественно, – рассеянно отвечал Кореньков, – один правый, а другой левый.

– Один черный, а другой желтый, – уточнял Алешка.

Правда, однажды они чуть не поссорились. Алешка что-то рассказывал Вадике, распахнув глаза и задрав хохолок на макушке:

– ...А потом налетел такой дождепад!..

– Дождь пошел, – рассеянно поправил его Кореньков.

– Дождепад, – упрямо повторил Алешка.

– Это неправильно!

– Снегопад – правильно? Звездопад – правильно? Камнепад – правильно? А дождь пошел?

Кореньков так растерялся, что очень долго с Алешкой не разговаривал. Минут пятнадцать.

...А капитан Павлик грустно и рассерженно доложил папе еще об одной краже на юбилее престарелого гражданина...

Он вообще к нам зачастил. Стал приходить почти каждый вечер. Как на работу. Во вторую смену. Как правило, к ужину. Докладывал папе обо всех «подвижках по делу», получал от него советы и указания. А от мамы – приглашение на кухню. Мама его жалела – «он такой одинокий» – и кормила даже более настойчиво, чем нас с Алешкой.

Сообщив об очередной краже, Павлик радостно выпалил:

– Кое-что есть, Сергей Александрович! Опрошил я этих мужичков, которые у Люсьены на поминках были.

– И что?

– Интереснейшие показания дали. – Павлик пошел прямо на кухню. Дорогу туда уже изучил. – Вышли покурить, как вы правильно предположили. А тут из квартиры выбегает расстроенный гражданин. Весь нараспашку, с шубой в руках. И кричит: «Лена, Лена, куда же ты раздетая?» А мужичкам смущенно объяснил: «Истерика у нее, переживает сильно. Даже не оделась». И – вниз по лестнице.

– «Лена, Лена, шубу надень!» – продолжил папа с усмешкой. – Так, Павлик?

– Так точно, товарищ полковник.

– Как они его описали?

– Ничего особенного, – Павлик сел за стол и машинально принял у мамы тарелку. – Пожилой. В черном, далеко не новом костюме. Белая рубашка, тоже не модная. Галстук в полосочку. В нагрудном кармашке – уголок сиреневого платочка.

– Да... Негусто. И никаких особых примет?

– То-то и оно. – Павлик отложил вилку, достал блокнот, полистал.

– Ты прожуй сначала, – заботливо посоветовал папа. – А то подавишься.

Павлик его не услышал.

– Вот, дословно записал: «Он мимо меня как раз по лестнице загремел. И вот так вот шубу держал, в обнимку. Так мне показалось, на руке у него вроде как небольшое синее пятнышко. То ли родинка, то ли еще что. Вот тут вот, в ямке между большим пальцем и указательным».

– Отлично! – почему-то обрадовался папа. – Ты ешь, ешь, Павлик. Заслужил.

– Я ем, Сергей Александрович. Очень вкусно ваша супруга готовит.

– Только мало, – буркнул Алешка. – На всех не хватает.

А наши дела пока что шли свои чередом. Практически каждый день мы оставались втроем в кабинете биологии. И постепенно, благодаря рассказам Коренькова, я стал чувствовать к ней интерес. Об Алешке я уже и не говорю. Они разговаривали на равных. Алешка похвалился своей тридакной.

– Это еще не самый крупный экземпляр, – сказал Кореньков. – Вы про капитана Немо читали?

– Да, – ответил я.

– Нет, – ответил Алешка.

– На его подводном корабле по имени «Наутилус» в роскошном салоне был фонтан. Чаша этого фонтана была сделана из одной-единой раковины.

– Вот такой? – Алешка широко развел руки.

– Шестиметровой, – сказал Кореньков, – вот какой! И это не фантазия.

– У вас такой нету? – спросил Алешка. – Я бы посмотрел.

Такой раковины у Коренькова не было. Но он прекрасно понял, что Алешка напрашивается в гости, посмотреть его коллекцию раковин. И пригласил нас на выходной.

Накануне Алешка пристал к маме:

– Мам, а тетя Зина все еще страдает от твоего подарка?

– Не знаю, – мама вздохнула. – Мы давно не общались.

– Я вас помирю, – сказал Алешка. – Она из-за раковины на тебя обиделась. Выбросить ее жалко, а в квартире из-за нее теснота. Так, что ли?

Мама опять вздохнула, на этот раз молча. И с опаской посмотрела на Алешку. Он правильно понял ее встревоженный взгляд. И поспешил успокоить:

– Ты не думай, я не собираюсь тащить ее обратно.

– А куда ты ее собираешься тащить? – Это маму насторожило еще больше.

– Одному человеку. Он будет без ума от нее!

– Представляю! – усмехнулась мама.

– Конфетологу! У него тыща раковин, а такой нет. Теперь будет! Мы завтра идем к нему в гости.

Но операция под кодовым названием «Тридакна» не состоялась. В тот же вечер маме позвонила Зинка, и они щебетали почти целый час. Мы с Алешкой сразу же поняли, в чем дело: Зинка избавилась от раковины и простила маму.

Алешка быстренько вырвал листок из тетрадки, накарябал на нем: «Мам, спроси где ракушка» – и подsunул его маме. Не прерывая щебет, мама взглянула на страничку, кивнула Алешке. И, конечно, забыла задать этот вопрос своей подруге Зинке. Положила трубку и ахнула:

– Ой, Лешк, извини. Я завтра ей звякну.

Пустое дело, но мы тогда не догадывались, куда заведет нас громадная и тяжеленная раковина. В какие мрачные и опасные дела она нас втянет.

...А бедный капитан Павлик доложил папе о краже на веселой свадьбе молодого моряка...

Глава III

Кусачая ракушка

В воскресенье мы поехали к Коренькову. Он жил в центре, в старом большом доме, украшенном фигурами всяких рабочих и крестьян. Рабочие держали в руках молотки, а крестьяне – серпы и пшеничные колосья. На головах у них лежали снежные шапки. Перед домом раскинулся большой фонтан. Воды в нем не было, наверное, даже и летом, зато в самом центре стояла на хвосте неведомая рыба.

Квартира Коренькова была на самом последнем этаже. И она нам понравилась. Вся такая старинная, с высоченными потолками, по краям которых шли всякие бордюрики в виде яичек в листиках сирени. Или черемухи. И мебель тоже была не современная. Тяжелая такая, громоздкая, но очень уютная. И книги – тоже все толстые, в массивных переплетах, на полках до потолка.

Но самое главное – это необыкновенные раковины в стеклянных витринах. Да, тридакны у Коренькова не было. Но зато была, наверное, не одна тысяча раковин. Я, конечно, никаких их названий не запомнил, они все очень трудные для запоминания, но красоты они были потрясающей. И все разные, ни одна не повторяла другую ни расцветками, ни формой. Я даже не мог представить себе, как здорово, оказывается, может поработать природа над их созданием.

– Клево, – сказал Алешка. – Только вы бы лучше жемчуг собирали. Он места меньше занимает.

Я понял, что Алешка приглядывает в комнате местечко для тридакны.

– Да жемчуг меня не особо интересует. Я собирал его из-за раковин. Не выбрасывать же, правда?

– Конечно, – кивнул Алешка. – Он красивый. Беленький.

Кореньков усмехнулся:

– Беленький... Жемчуг бывает не только беленький, а многих цветов. Розовый, серебристо-серый, желтый, голубой. Даже черный бывает, он особенно ценится любителями. Вот, полюбуйтеся.

Кореньков взял с полки небольшую баночку из-под крема и снял с нее крышку. В баночке лежал безупречной формы шарик густого черного цвета. Он казался живым.

Алешка вздохнул с восхищением:

– Это вы сами ее поймали, эту жемчужину? На глубине сто метров?

Кореньков покачал головой.

– Нет, я ее не поймал. Я ее сам вырастил. В аквариуме.

И мы слышали от него удивительные вещи.

– Вы знаете, как зарождается и растет жемчужина?

– Русалки слезки роняют, – напомнил Алешка. – По своей далекой молодости.

Кореньков усмехнулся.

– Есть такие двустворчатые моллюски, называются – жемчужницы. И вот лежит жемчужница на дне океана, раскрыв свои створки. И если внутрь попадет, например, крохотная песчинка, она начинает раздражать нежное тельце моллюска. И он начинает с этим бороться – обволакивать песчинку слоями перламутра. Все больше и больше. Получается жемчужина, она постепенно растет. Но очень медленно, десятилетиями.

– А они большие, эти ваши жемчужницы? – спросил Алешка.

– Бывают очень большие. До полуметра. И весом больше десяти килограммов. Кстати, для ловца жемчуга такая раковина опаснее акулы.

– Кусается? – Алешка широко распахнул глаза. – У нее и зубы есть?

Кореньков рассмеялся.

– Зубов у нее нет. Но вот представь себе... Нырять в глубину океана ловец жемчуга. Погружается все глубже и глубже. Вода вокруг него из изумрудно-зеленой становится голубой, а потом густо-синей. Наконец, появляется песчаное дно. На дне – разные водоросли, шныряют между ними диковинные рыбы, и лежат, распахнув створки, большие и маленькие жемчужницы. Маленькие ловец быстро, потому что воздуха ему уже не хватает, собирает в специальную сетку, привязанную к его поясу...

– А большие?

– А большие в сетку не влезут, да и не поднять их, не оторвать от дна. И вдруг он видит, что в одной из самых больших раковин лежит самая большая в мире жемчужина. Она нежно светится розоватым светом. Что он делает?

– Цап эту розоватую – и все, пошел наверх!

– А получается наоборот. «Цап» делает жемчужница. Как только рука ловца оказывается в раковине, она мгновенно захлопывается. Как капкан. Только этот капкан весит килограммов пятнадцать. Ловец пытается выдернуть руку, но она схвачена намертво. А воздуху ему уже не хватает...

– Ни фиги! – выдохнул Алешка. А потом вдруг сказал: – А вы смелый человек. Вас такие раковины не хватали?

– Слава богу! Но акула на меня нападала.

– И что? – Алешка затаил дыхание.

– Я отбивался от нее ножом, но у нее такая шкура, которую и из ружья-то не пробьешь...

А потом я выронил нож... – Кореньков замолчал.

– А потом? – Алешка затаил дыхание.

Кореньков пожал плечами и грустно сказал:

– А потом она меня съела...

Алешка хлопнул глазами и звонко расхохотался. Мне показалось – с облегчением.

– Но жемчуга в Мировом океане, – продолжил Кореньков, – становится все меньше. И добывать его все труднее и уже не выгодно.

– И опасно. Цапнет раковина, или акула проглотит, – поддержал его Алешка. – А почему меньше?

– Жемчужницы живут в прибрежной зоне, на сравнительно небольшой глубине, а у берегов вода сильно загрязнена. Им такая вода не нравится.

– Жалко, – сказал Алешка. – Все-таки фауна.

– Сейчас в некоторых странах на специальных плантациях искусственно выращивают в жемчужницах жемчуг.

– Приручают, – усмехнулся Алешка. – Подкармливают.

– Вроде того. Но вообще-то уже давно создают без особого труда искусственный жемчуг.

– Из камешков? – предположил Алешка. – И краской их красят, что ль?

– Не «что ль». И не из камешков. Стекланный шарик заполняют жемчужной эссенцией.

– Что за фишка?

– Очень простая. Мелкая чешуя мелкой рыбешки уклеи.

Действительно – фишка. А Кореньков еще сказал, что такой искусственный жемчуг из чешуи по внешнему виду совершенно не отличается от природного. И даже иногда искусственные жемчужины выглядят более красивыми, чем настоящий жемчуг.

– Вот и правильно, – сказал Алешка с азартом. – И нырять за ними не надо, и вообще...

Кореньков грустно улыбнулся.

– Леша, разве можно создать искусственно солнечный свет, синеву океана, золото песчаного побережья, теплый ветер?..

А он романтик, этот Вадик, подумал я. Наверное последний на нашей Земле.

А романтик продолжил свою лекцию, с увлечением.

– Но и на плантации, и в океане жемчуг растет очень медленно. А спрос на него – очень быстро. – Тут он немного призадумался.

Мне показалось, что он решает – стоит ли ему открывать для маленькой компании какой-то большой секрет? Достойны ли мы, ленивые школьники, чтобы поделиться с нами сокровенной тайной?

Но его взгляд остановился на Лешке – распахнутый рот, раскрытые во всю ширь глаза и настроенные уши.

– А вот мне удалось ускорить рост жемчужины. Кстати, вот эта – я назвал ее Черная Марго – выросла у меня в аквариуме за три месяца.

Алешка ахнул.

– А чем вы ее кормили?

– Это секрет, научная тайна, – серьезно ответил Вадик Кореньков. – Но смысл моего открытия в том, что... Вы знаете, из чего состоит жемчужина?

– Из этого, как его... пел... рамутрия.

– Верно, примерно. Состав ее прост – углекислый кальций.

Алешка огорчился, а я не очень. Я уже знал, что, например, даже самый прекрасный алмаз – это всего лишь полиморфный углерод. И Кореньков сказал об этом так скучно, что я сразу подумал: «Никакой он не романтик. Обыкновенный, батенька мой, профессор».

– Так вот. Я создал препарат, растворимый в морской воде, благодаря которому этот самый кальций наращивается более активно.

Алешка слушал в захлеб, а я был слегка разочарован. Значит, жемчуг никакое не чудо природы, а обыкновенный кальций. Немного обидно. И этот кальций можно наращивать какими-то таблетками. И зачем человек вмешивается в законы природы?

– Но мое открытие, – предупредил нас Кореньков, – это большой секрет. Для жуликов такой препарат – лакомый кусочек. И они не будут, завладев им, проводить исследования, расширять применение жемчуга: например для лечения тяжелобольных, – он и в медицине ведь используется...

– Конечно! – сказал Алешка. – Они заведут себе аквариумы и будут в них печь, как блины, скоростные жемчужины. И продавать их у метро по штуке баксов.

Кореньков рассмеялся.

– Не совсем так, коллега, но очень близко к истине.

Мы еще полюбовались на черную жемчужину, и Алешка спросил:

– А чтой-то вы ее так называли – Черная Марго?

– Марго – сокращенно от Маргариты. Маргарита в переводе значит жемчужина.

Алешка хлопнул глазами.

– А у Димки одна учителька есть, ее тоже Маргаритой зовут. Она совсем на жемчужину не похожа.

Тут он прав. Наша биологичка на жемчужину не похожа. Не зря ее Королевой прозвали. У нее такой характер – она никого, кроме себя, не слушает и не слышит. И разговаривает с нами только вопросами, не дожидаясь ответа:

– Ну что, Иванов, пойдешь на расправу? – Это значит идти отвечать к доске. – Расскажешь нам что-нибудь новенькое из жизни млекопитающих? Двойки тебе достаточно?

И объясняет она очень скучно. Когда рассказывает об обитателях полярных областей, глаза у нее леденеют. Когда она говорит о фауне пустыни, они у нее становятся сухими, как мелкий песок. А когда объясняет животный мир бразильских джунглей, глаза у Королевы становятся непроницаемыми, как у анаконды. Не знаю, может, так и надо, но я очень рад, что биологию у нас стал преподавать Вадик. И что мы с ним подружились. Хотя эта дружба завела нас в такие криминальные дебри, что куда до них амазонским джунглям...

Алешка с нетерпением дождался родителей и вздохнул стал рассказывать им про все чудеса, которых нахватался в квартире Коренькова.

– Пап, он ныряет на сто метров в самую глубину! Мам, у него есть Черная Марго! Он ее на подоконнике наращивает. Кальцеком! Пап, а раковины кусаются! И очень тяжелые. Цап – и нет ловца жемчуга. Мам, а его акула сожрала!

– На завтрак? – спросила мама, которая уже прижимала пальцы к вискам. – С майонезом?

– А женщин на Земле становится все больше. А жемчуга – все меньше. А японцы высиживают его в корзинках, на дне моря.

– Как куры? – спросил папа.

– И фаршируют чешуей.

– Все! – Мама поставила на стол салат и раздала нам тарелки.

– А что на ужин? – спросил папа.

– Черная Марго в куриной чешуе, – ответила мама. – Под фирменным соусом из кальция.

– Как называется?

– «Цап»! – сказала мама.

– Он кусается? – испугался папа.

– Нет, – мама вздохнула. – Он осторожен. Его на Земле становится все меньше. А женщин в корзинах на подоконниках – все больше.

– Я тоже буду профессором, – завершил дискуссию Алешка. – Конфетологом.

– Ты женись сначала, – буркнул я.

– Мам, а кому Зинка нашу тридакну подарила?

– Она ее не подарила, – поморщилась мама. – Она ее продала.

– А кому?

– Очень приличному человеку. Он пенсионер. Одинокий мужчина. У него в квартире мебели мало, а места много.

– А где она?

– Кто?

– Квартира.

– В доме.

– А дом где?

– Это тебе зачем? – насторожилась мама. – Хочешь вернуть ее домой? Я тебе этого не прощу!

– Ну, мам, я же говорил: хочу подарить ее конфетологу. На какой-нибудь праздник. Я там у него местечко присмотрел. Влезет. Нужно будет только тумбочку от телевизора выкинуть.

– А телевизор?

Алешка безмерно удивился такой маминой недогадливости.

– А зачем телевизор без тумбочки?

– И тумбочка без телевизора, – поддержал его с улыбкой папа.

– Ты с этой раковиной, – рассердилась мама, – постоянно наживаешь нам врагов.

– Ну ничего, – сказал Алешка. – Она этому пенсионеру скоро надоест. Он об нее поспотыкается и нам ее отдаст.

– Цап! – воскликнула мама.

На следующий день, сразу после школы, Алешка набрал номер тети Зины.

– Здравствуй, тетя Зин. Вам привет от мамы. Как поживаете? Тетя Зин, вы кому нашу раковину подарили?

– Леш, отстань, а? Не до тебя.

– Неприятности, тетя Зин? Нужна моя помощь?

– Неприятности... – Тетя Зина тяжело вздохнула. – Да не у меня. У моей подруги Райки.
– Давайте я ей помогу.

Ну вот отвяжись от него!

– Тут никто не поможет. Ее муж юбилей справлял... Его сестра ему антикварную вазу подарила.

– Какая радость! – искренне отозвался Алешка.

– Была! Была радость. Да кто-то из гостей ее спер!

– Какое горе! – искренне посочувствовал Алешка.

– Еще бы не горе! Спер кто-то из друзей. Или из родственников.

– Может, его сестра и сперла? Сначала подарила, а потом ее жаба стала душить.

– Ты думаешь? – Тетя Зина помолчала, размышляя. – Это мысль. Сейчас я ее Райке подам. Пока. Привет маме и папе.

– Пойдите, тетя Зин! Вы про раковину-то забыли!

– Про какую еще раковину? На кухне? В ванной? Не до тебя мне.

– Про тридакну. Кому вы ее подарили?

– Мужчине одному. Как раз на юбилее. Приличный такой, пожилой. Вроде пенсионера.

В черном пиджаке.

– И в штанах?

– Конечно! Кто же в гости без штанов ходит?

– А он им родственник?

– А я знаю? Там столько народу было. Всех не упомнишь.

– А где он живет?

– В Москве. Только я не знаю, на какой улице. Он ко мне сам приехал и сам на такси твою тридакву увез. Пока!

Лешка положил трубку и посмотрел на меня. Но мне показалось, что он меня не видит. Что в глазах его трепещет какая-то подозрительная догадка.

– Дим, – медленно проговорил он. – А ведь Павлик тоже папе рассказывал, что во всех этих гостях, где чего-нибудь крали, побывал мужик в черном пиджаке.

– Лех, – в тон ему ответил я. – Тыщи пожилых мужиков надевают в гости черные пиджаки.

Лешка промолчал, но глаза у него остались подозрительно задумчивыми...

Вечером к нам опять зашел капитан Павлик. Доложить папе о ходе оперативного расследования. Официально наш Павлик находился в очередном отпуске и поэтому на работе не показывался. Показывался у нас дома.

– Павлик, – шутливо сказала мама, накрывая ужин, – может, тебе раскладушку поставить? У ребят в комнате.

– Я их боюсь, – признался Павлик. – Шибко умные.

– В отца, – сказал папа.

– И красивые, – поторопился Павлик, – в маму.

– Не подлизывайся, – мама поставила перед ним тарелку. – Боишься, что кормить не буду?

– Я мало ем!

– Оно и видно.

– Точно, – сказал папа. – Он здорово поправился за это время.

Но тут деловито вмешался Алешка.

– Докладывайте, товарищ капитан, товарищу полковнику.

– После ужина, – сказал папа. – В моем кабинете.

– Вы там курите много, – пожаловался Алешка. – Нам с Димкой вредно.

- А вас туда и не зовут.
- И напрасно, – Алешка произнес это так небрежно, что папа насторожился.
- В чем дело, Алексей?
- Пусть сначала он расскажет. – И Алешка ткнул вилкой в сторону Павлика.
- Тот шутливо отскочил:
- Чуть в глаз не попал. А докладывать особенно нечего. Кроме того, что зафиксированы еще две аналогичные кражи.
- Три! – сказал Алешка.
- Так, – папа привстал. – Алексей, откуда информация?
- От тети Зины.
- То есть?
- У нее есть подруга. Зовут Райка...
- Раиса Ивановна, – строго поправила его мама. – Знаю ее.
- У Райки... Ивановны есть муж.
- Знаю его, – опять вмешалась мама. – Неплохой мужик.
- У него был юбилей...
- Знаю... – начала было мама, но папа прервал ее строгим взглядом.
- И ему подарили... Ну, одна тетка подарила, его сестра...
- И сестру... – Мама тут же осеклась и виновато хлопнула себя ладошкой по губам.
- В общем, она ему вазу подарила. Старинную. А ее сперли. Прямо с юбилея увели.
- Вот так, да? – папа задумался на минутку. – Ваза большая?
- Еще не знаю, – признался Алешка.
- Думаю, не очень, – предположил Павлик. – Чтобы в портфель поместилась.
- Ну что ж, – с усмешкой сказал папа. – Наш незнакомец начинает обрастать некоторыми чертами. Черный костюм, не модный, не новый. В нагрудном кармашке – сиреневый платочек. Пожилой, сухощавый.
- С портфелем, – вставил Алешка.
- Вежливый и культурный, – добавил Павлик. – В антиквариате разбирается. Из-за какой-нибудь дряни рисковать бы не стал.
- У него еще одна примета есть, – вдруг сказал Алешка.
- Какая? – быстро спросил папа.
- Я еще не знаю.
- Вот это фокус!

Глава IV

Битва со сморчком

Алешка всерьез заинтересовался научными работами Коренькова. Такой же романтик, только помоложе лет на двадцать. Особенно он загорелся, когда Кореньков рассказал нам, что в Институте океанологии, где он проводит свои опыты, имеется настоящий океанариум. Со всеми прибабасами.

– В нем создана крохотная модель океана, – заманчиво рассказывал Кореньков. – Морская вода, специальный морской грунт. Океанские обитатели – типичная флора и фауна. Раковины, конечно.

– И вы там жемчуг производите? – ахнул Алешка.

Кореньков улыбнулся его азарту, но немного охладил его пыл:

– Не жемчуг производим, а опыты проводим. По его ускоренному выращиванию.

– Вот бы посмотреть, как он ускоренно выращивается! – откровенно напросился Алешка. – И на всякую флору с фауной. Акулы там тоже водятся?

– Есть две акулы – Анфиска и Лялечка. Небольшие, правда. Одна – метр восемьдесят, а другая чуть меньше.

– Метр восемьдесят? – ахнул Алешка. – Ростом с капитана Павлика!

– Для акулы это мелочь. Некоторые особи достигают длины до двадцати метров.

– А эти... особи, они запросто могут человека проглотить?

– И даже не одного. Вот представь: длина нашего кабинета восемь метров. Впечатляет?

– Она же сюда не влезет! А когда мы поедем в вашу океанологию?

– Послезавтра у меня там лекция. Вот послезавтра и поедем.

Перед поездкой в Институт океанологии произошло маленькое событие. С большими последствиями. Событие произошло не само по себе, а по Лешкиной привычке лезть в чужие дела и давать непрошенные советы.

Дело было так. Мы разглядывали раковины, Кореньков собирался в институт. Сунул в портфель какие-то бумаги, завязал перед зеркалом галстук и критически осмотрел себя.

– Цап! – сказал Алешка. – Вы галстук наизнанку завязали.

Кореньков чертыхнулся, перевязал галстук.

– Похож на профессора? – спросил он Алешку.

– С портфелем похожи, – откровенно сказал Лешка, – а с бородкой не очень. – И добавил довольно бестактно: – Ну зачем вам такая борода? Она у вас такая мелкая.

Кореньков не обиделся и объяснил:

– Хочется быть посolidнее. Я слишком молодо выгляжу.

– Ну и что? – искренне удивился Алешка. – Я тоже.

Кореньков, склонив голову к плечу, будто птичка на зернышко, взглянул на него, призадумался и неожиданно согласился.

– А что? В этом есть частица здравого смысла.

И он снял галстук, пошел в ванную и быстренько избавился от бороды.

– Как теперь? – спросил он Алешку. – Я так больше на профессора похож?

Он стал похож на пацана из десятого класса. Но Лешка чистосердечно соврал:

– Вы теперь прямо академик.

Но «академик» явно поспешил попасть под Алешкино влияние. И скоро в этом убедился. И очень сильно пожалел.

Институт океанологии нам понравился. Громадное такое здание, высоченные двери (двухэтажные, сказал Алешка), а по бокам дверей – настоящие корабельные якоря. Ростом побольше «академика». Даже двух.

Мы вошли внутрь, подошли к турникету, где важно стоял важный охранник. Теперь без охранников никуда не сунешься. Даже в туалет.

Кореньков протянул ему свое удостоверение и показал на нас с Алешкой:

– Эти ребята со мной.

Охранник развернул зеленую книжицу, глянул в нее, глянул на Коренькова и вернул ему удостоверение, лениво процедив:

– Не соответствует.

– Что не соответствует? – удивился Кореньков.

– Фотка в документе не соответствует оригиналу. На фотке борода, на вас бороды нету.

– Но я ее сбрил! – прямо-таки взвизгнул от возмущения Кореньков. – Она же снова отрастет, если так уж надо!

– Когда отрастет, тогда и придете, – все так же лениво процедил охранник. Ему, наверное, приятно было унижать ученого. – Как отрастет – без очереди пропущу.

– Но у меня лекции! Меня ждут студенты!

– А у меня – инструкция! Посторонних на охраняемый объект пропускать не имею права. Не загромождайте проход. Дайте людям пройти.

Тут вмешался еще один профессор. Совсем как настоящий. С бородой, с палкой, с животом и с лысиной. У него только один недостаток был – мохнатые уши. У него волосы не только из ушей росли, но и поверх ушей. Как у собаки.

– Батенька мой, – сказал настоящий профессор охраннику и широко развел руки. – Могу засвидетельствовать личность коллеги Коренькова.

А перед турникетом уже образовалась и уплотнялась пробка. Она накопилась из профессоров, студентов и говорливых черноглазых жильцов общежития с большими сумками. На охранника стали напирать.

– Так! – грозно сказал он. – Разделились! – И стал размахивать руками, сортируя толпу.

В результате все черноглазые просочились вместе со студентами на «территорию охраняемого объекта», а профессора остались снаружи. И стали громко, но культурно возмущаться.

– А вы не выступайте! – Охранник достал из чехла дубинку и убедительно постучал ею по трубке турникета. – Вы здесь кто? Вы здесь проходящие. А они – постоянные. Они тут проживают согласно регистрации.

Мы отошли в сторонку. Кореньков был расстроен, я смущен, Алешка безмятежен.

– Ну что? – упрекнул его Кореньков. – Насоветовал?

– Я же не знал, что он такой дурак.

– Да и я не умнее, – вздохнул Кореньков.

– Поехали к нам, – неожиданно предложил Алешка.

– Зачем?

– Узнаете. Решим проблему.

Дома никого не было. Я приготовил чай, а Лешка стал решать проблему. Для этого он заставил меня слазить на антресоли и снять коробки с елочными игрушками.

– К Новому году готовишься? – с ехидцей спросил я. – Не рановато?

Алешка ничего не ответил и принялся раскрывать коробки и усердно копать в них.

– Что ты ищешь? Волшебную палочку?

– Деда Мороза, – буркнул Алешка.

К этому времени он вытащил из коробок все игрушки и разложил на тахте. Деда Мороза среди них не было. Алешка рассердился:

– Ты не все достал. Залезай обратно.

Когда Алешка что-нибудь затевает, он осуществляет свою затею с таким напором, что перед ним, перед этим напором, никто не может устоять. Тем более – старший брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.